

УЕДИНЕННОЕ ЖИЛИЩЕ

Наконец долгожданный поворот. Позади сорок километров пути, осталось восемь, правда, самых трудных, так как дорога пошла на подъем в сторону гор. Их преодоление на велосипеде, да еще когда солнце уже в зените, – сущая пытка. Но вот показался дорожный указатель с названием города – Есік (по-русски Исык). Вскоре справа от дороги вырисовывается памятник, установленный на месте знаменитой археологической находки – захоронения сакского вождя в золотых доспехах (Золотой воин). Останавливаюсь, чтобы сфотографировать, а заодно передохнуть. Рядом крутятся какие-то люди. Пытаюсь разузнать, как проехать к православному монастырю – к конечной цели моего сегодняшнего путешествия. Но одни о таком не знают, другие слышали, но как проехать, точно не ведают. Еду дальше. У ближайшего перекрестка делаю очередную попытку расспросить у прохожих о дороге. Оказалось, начало дороги к монастырю совсем близко. Продолжаю путь в указанном направлении.

Вот кончился асфальт и началась проселочная дорога. Ехать на велосипеде уже невозможно. Слишком крутой подъем. Ктому же после растаявшего снега и дождей дорога под палящим солнцем вся в твердых

Монастырская церковь

кочках. По ней и пешком идти – «не сахар»... Вспомню, что по данным одних «информантов», до монастыря километров двенадцать. Другие были не столь щедры на километры. Значит, надо брать «золотую середину». А это километров восемь. Дорога несколько раз пересекает мутный ручей. Для начала апреля это обычный цвет воды. Встречаю паренька-пастуха, по наружности потомка гордых сынов Кавказа. Еще раз навожу справки о дороге. Вывод из его ответа «неутешительный» – еще топать и топать. Где-то по пути должен быть дом лесника. Иду дальше. Велосипед, который приходится катить рядом с собой, начинаю «ненавидеть» после каждого очередного резкого взлета дороги – все-таки 20 кг веса. Подыскиваю дерево крепче и пристегиваю к нему замок своего «железного коня». Дальше иду налегке, если не считать рюкзака за спиной. Минут через пятнадцать подхожу к дому лесника. Собаки поднимают лай, почуяв незнакомца. На крыльце показывается женщина. На вопрос «Далеко ли до монастыря?», отвечает: «Еще два часа ходьбы».

После кордона лесника дорога становится настоящим горным серпантин. Чем выше, тем больше участков нерастаявшего снега. Местами снежки лежат прямо на дороге. Идя по ним, проваливаюсь

почти по колено. Там, где снег только-только стоял и грунт еще не просох, к кроссовкам прилипают комья глины, утяжеляя их на несколько килограммов. В таких ситуациях надо думать о чем-то хорошем, чтобы мысленно отвлечься от дискомфорта пути. Вспоминаю, как в свое время совершил экскурсию в Аксайский скит, что в противоположной от Алматы стороне. Это был первый монастырь, который я когда-либо видел. Он расположен в очень живописном месте – на горе среди тьяншанских елей. И впервые попал я туда, можно сказать, случайно, когда возвращался из своеобразной «кругосветки», начав путь в Алмаарасанском ущелье, перейдя в Каргалинское, а оттуда – в Аксайское ущелье. То есть спустился сверху, чем слегка переполошил семью сторожа бывшего пионерского лагеря, через который проходил. От сторожей и узнал, что монашеский скит находится в ущелье на соседней горе. Здесь же, под Исыком, кроме яблонь пока никаких деревьев не видно. Конечно, попади я сюда через месяц-полтора, окружающий вид был бы совсем другим. Яблони стояли бы уже в цвету, лужайки были бы покрыты многоцветием благоухающих трав, а всюду – многоголосый щебет птиц и стрекот, жужжание насекомых.

Бросаю взгляд на рукав и вижу там примостившегося клеща. Впервые в этом сезоне. Вид этого непрошеного и опасного гостя сразу возвращает к реальности. Избавившись от него и внимательно осмотрев одежду, иду дальше на подъем. Пытаюсь вспомнить все, что знаю об истории монастырей.

Первые монастыри на Руси стали возникать в конце X – начале XI века как поселения отшельников – монахов и монашенок. Эта форма объединения людей Русью была заимствована извне, вместе с христианством. Да и само слово «монастырь» нерусское, греческое и переводится как «келья отшельника», «уединенное жилище». У христиан монастыри появились еще в III–IV вв. в Египте, у буддистов имеют еще более древнюю историю: они известны с середины I тысячелетия до н. э. Со временем крупные русские монастыри превратились в очаги культуры. Они были теми центрами, из которых распространилась письменность, при них собирались богатейшие библиотеки. Монахи вели летописи, на которые историки опираются при воссоздании прошлого Руси. Особенно известны такие монастыри, как Киево-Печерская лавра, Троице-Сергиев, Ферапонтов, Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Спасо-Евфимиев. Накануне Октября 1917 г. в

России насчитывалось более 1000 монастырей, в них проживало около 100 тыс. монахов. После революции их имущество было национализировано, а здания отдали под разные учреждения: школы, больницы, клубы, музеи, тюрьмы, медвытрезвители... Кстати, насчет тюрем. Постепенно сами монастыри в среде лиц духовного сословия стали восприниматься как тюрьмы. Частью из-за строгого устава, по которому там жили. Но в немалой степени и из-за того, что туда, бывало, отправляли и проштрафившихся священно- и церковнослужителей, на перевоспитание. Еще в царские времена при тех или иных монастырях существовали тюрьмы, в которые определяли за преступления против веры и религии. Из русской истории хорошо известно, что нередко в монахи насильно постригали тех деятелей, от которых хотели избавиться. Частенько там оказывались жены и вдовы царей. В Сермире же до революции было, кажется, два монастыря. Один – мужской – на побережье озера Исык-Куль. Другой – женский – в Верном.

К началу 90-х годов прошлого века в СССР насчитывалось всего 18 монастырей. После развала СССР на просторах бывшего Союза появились новые. Два, к одному из них я как раз иду, – под Алматы. Еще один – женский – в самом городе.

Тем временем дорога вывела на вершину горы, с которой открылась широкая панорама. Сзади, как на ладони, город Иссык. Впереди пригорки, густо поросшие елями (там еще снег), за пригорками гряды пиков. А далеко внизу, в долине, виднеются какие-то постройки. Пытаюсь различить очертания церкви. Несколько особняком стоит какое-то строение, но не видно ни купола, ни креста. Очевидно, это и есть монастырь, на путь к которому затрачено столько усилий. Начинаю спуск. Чем ниже, тем грязь становится больше: сюда, в низину, стекает множество ручейков тающего наверху снега, а солнце еще не прогрело сырую землю.

По мере приближения обитель просматривается лучше и лучше. Действительно, строение, что особняком, и есть церквушка. Над ней виден крест. Вокруг еще несколько построек. По территории ходят гордые гуси, где-то слышно кудахтанье кур. Не склоняются пасутся коровы, лошади. Мне навстречу вышел молодой статный мужчина с густой черной бородой. Поздоровались. Я объяснил, что пришел посмотреть, как живут здешние монахи. Монах на время отлучился, чтобы позвать настоятеля, вскоре из конюшни вышел бородатый мужчина лет пятидесяти, облаченный в монашескую одежду: черная ряса, на голове – то ли клобук, то ли камлавка. Это был наместник (так он себя обозначил) монастыря – отец Назарий. Он любезно пригласил в кухню на чай. Кухня – отдель-

(монахи выращивают картошку, свеклу, огурцы), приготовление пищи... Заканчивается день тоже молитвой. И так изо дня в день. В общем, уклад жизни – типично деревенский. Это не город, в котором монастыри могут существовать исключительно за счет пожертвований. Здесь, в предгорье, монахи находятся на полном самообеспечении. Многие выдерживают максимум полгода. Прежде чем принять нового человека в свое общество, монахи присматриваются к нему: и как к человеку, и как к работнику. От каждого кандидата требуют наличия рекомендации от священника или духовного наставника. Самое главное – человек, желающий поселиться в монастыре, должен добровольно выбрать служение Богу. «Людей, желающих стать послушниками из-за безысходности, мы не принимаем», – сказал отец Назарий.

Как и положено, монастырь посещают паломники. Были даже гости из Прибалтики. Спрашиваю: «Неужели специально сюда для этого приезжали?» – «Конечно!» – «А как же они о нем узнали?» – «Через православные веб-страницы в Интернете». По правде сказать, в той обстановке, от которой веет совсем другой эпохой, эти термины информатики прозвучали как-то непривычно.

Для сообщения с внешним миром у монахов есть УАЗик. Если предупредить заранее, то они могут встретить гостя в Иссыке или даже в Алматы и доставить в монастырь.

Отец Назарий

Наведываются и учащиеся воскресных школ при православных храмах. Как правило, приезжают, чтобы помолиться, а заодно помочь монахам по хозяйству. Живут здесь по несколько дней. Правда, мужчин поселяют отдельно от женщин. Даже если это муж и жена. Таков заведенный в монастырях порядок... Отец Назарий порекомендовал в следующий раз приехать на субботу-воскресенье, чтобы эти два выходных дня посвятить молитве.

Между тем день клонился к закату. Мне предстоял обратный многокилометровый путь, поэтому, поблагодарив за гостеприимство, я засобиравшись домой. На прощание сделал несколько фотоснимков...

Оказавшись вскоре на горке, с которой пару часов назад впервые увидел Иссыкский монастырь, бросил прощальный взгляд на обитель монахов и подумал, что, конечно, пара часов, проведенных там, дали всего лишь самое поверхностное представление о жизни монастыря, его обитателях. И, глотнув воды, набранной из святого монастырского источника, быстро шагнул вниз, в сторону Иссыка.

Монах за работой

но стоящий дом. В нем полумрак. Ведь никакого электричества здесь нет. Освещение – днем естественное, от солнца, через единственное окно, вечером – керосиновые лампы. Вдоль стены длинный, широкий деревянный стол. Подле него лавка. На стенах иконы. После традиционного ритуала – молитвы – мы сели пить горячий чай. За чаепитием я расспрашивал настоятеля о самом монастыре, о жизни монахов. Вот что я от него узнал.

Официальное название монастыря – Спасо-Силуанов Иссыкский. Спасов – в честь одного из трех православных праздников, связанных со спасителем, Иисусом Христом. Силуанов – в память о православном святом.

Сам отец Назарий монашествует с 1995 года. Несколько лет прожил в Аксайском ските. В Иссыкском монастыре уже года четыре. Всего в обители четыре человека. Один из них приехал из Астаны и проходит нечто вроде испытательного срока. Монашеская жизнь очень строга и требует отказа от многих «радостей» мирской жизни, в первую очередь от табака, алкоголя, женщин. Утренний подъем в пять часов. День начинается с молитвы. Затем – хозяйственные работы – уход за домашней птицей, за скотиной (лошади, коровы, бычки), работа на огороде

Алоис Назаров (фото автора)